
КОРОЛЕВА НИЧЕГО
18+
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *NEW YORK TIMES*
ХОЛЛИ БЛЭК

Холли Блэк

Королева ничего

Серия «Young Adult. Бестселлер Холли Блэк. Воздушный народ», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74737486
Эксмо;
ISBN 978-5-04-257215-12

Аннотация

Долгожданный финал культовой серии, которая разошлась по миру тиражом свыше 10 миллионов экземпляров!

Власть легче завоевать, чем удержать. Джуд, Верховная королева Эльфхейма, лишена власти, но не сломлена. Даже находясь в изгнании, она не оставляет надежды вернуться ко Двору фейри. Отринув свои чувства к Кардану, Джуд спешит на помощь сестре, которая попала в беду в Фейриленде. Но знакомого Эльфхейма больше нет. Война на пороге. И Джуд должна собрать все свои силы, чтобы спасти то, что осталось. И даже возможно стать настоящей королевой монстров, если потребуется…

Содержание

Книга 1 5
Пролог 6
Глава 1 15
Глава 2 23
Глава 3 46
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Холли Блэк
Воздушный народ. Королева ничего

Holly Black
THE QUEEN OF NOTHING

Copyright © 2019 by Holly Black
Cover art copyright © 2019 by Sean Freeman.
Cover design by Karina Granda.

© Мольков К., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Ли Бардуго, которая никогда не позволяет мне уйти ни с чем.

Книга 1

Решил жениться эльф-король на девушке
земной.
Он для того хотел ее назвать своей женой,
Чтоб сын его, благословлен крестом, святой
водой,
Навеки избежал судьбы всех фейри роковой,
Когда тот грозный Судный день придет
на их порог,
Хоть он далек, тот день, далек. Пока —
далек!..

Эдмунд Кларенс Стедман. Эльфийская песнь

Пролог

Королевский астролог Бафен внимательно рассматривал гороскоп и старался не вздрагивать, когда самый младший из принцев Эльфхейма резко клевал своей королевской головкой.

С момента появления на свет принца Кардана прошла неделя, прежде чем его наконец решили представить Верховному королю. Предыдущих пятерых наследников показывали ему немедленно – красных, кричащих, но на этот раз леди Аша откладывала визит короля до тех пор, пока сама не оправилась после родов.

Младенец был щуплым и морщинистым. Он молча смотрел на короля Элдреда своими черными, как маслины, глазками и с такой яростью молотил крохотным хвостиком, что грозил в клочья разодрать им пеленки, в которые был завернут. Леди Аша, казалось, не знала, как ей справиться с малышом, и оглядывалась вокруг с таким видом, словно мечтала, чтобы кто-нибудь поскорее взял на себя это бремя вместо нее.

– Открой нам его будущее, – приказал астрологу Верховный король.

На церемонии представления нового принца помимо королевской семьи присутствовало всего трое: смертный Вал Морен, который был одновременно придворным поэтом и

сенешалем, и два члена Живого Совета – министр ключей Рандалин и астролог Бафен. В огромном пустом зале слова Верховного короля отдавались долгим, гулким эхом.

Бафен колебался, но ни солгать, ни уклониться от ответа он не мог. До рождения принца Кардана судьба уже подарила королю Элдреду пятерых детей, что было невиданной редкостью среди народа. Фейри с их жидкой кровью крайне редко производили на свет потомство. Звезды в гороскопах предыдущих наследников Верховного короля предсказывали юным принцам и принцессам много разного в их судьбах – таланты к поэзии и музыке, успехи в политике, добродетели и пороки. Но на этот раз все обстояло совершенно иначе.

– Принц Кардан станет последним родившимся у вас ребенком, ваше величество, – сказал королевский астролог. – Он же уничтожит корону и разрушит трон.

Леди Аша резко втянула ноздрями воздух и впервые за все время крепче прижала к себе новорожденного Кардана. Он запищал и завозился у нее на руках.

– Любопытно было бы узнать, кто повлиял на вашу интерпретацию звездных знаков, – сказала она. – Быть может, принцесса Эловин к этому свою руку приложила? Или принц Дайн?

«Возможно, ей было бы лучше выронить его, и дело с концом», – неприязненно подумал Бафен.

– И этого никак нельзя предотвратить? – спросил король Элдред, задумчиво потирая подбородок.

Может быть, это даже хорошо, что звезды оставляли Бафену гораздо больше загадок, чем давали ответов на них. Раньше он очень часто жалел о том, что не способен отчетливее видеть будущее, но только не в этот раз. Однако нужно было отвечать, и астролог осторожно произнес, склонив голову так, чтобы не встречаться взглядом с Верховным королем:

– Только из пролитой им крови может восстать великий правитель, но не раньше, чем исполнится все то, о чем я вам сказал.

Элдред повернулся к леди Аше и ее ребенку, предвестнику несчастий в королевской семье. Сейчас младенец молчал, словно камень, не плакал, не гукал, лишь по-прежнему стегал своим хвостиком.

– Унесите его прочь, – приказал Верховный король. – И обращайтесь с ним так, как сочтете нужным.

– Я буду воспитывать его, как и подобает, – не дрогнув, ответила леди Аша. – Как бы то ни было, он принц и ваш сын, между прочим.

Тон королевы был резок, и Бафен невольно вспомнил о том, что некоторые пророчества порой исполняются благодаря тем действиям, которые должны были их предотвратить.

На короткое время в зале повисла тишина, затем Элдред кивнул Вал Морену, который покинул помост и возвратился, неся в руках небольшую деревянную шкатулку с крышкой,

украшенной резным узором в виде корней.

– Подарок, – сказал Верховный король. – В знак признания того вклада, который вы внесли в продолжение рода Гринбриаров.

Вал Морен открыл шкатулку. В ней оказалось изысканное ожерелье из крупных, тяжелых изумрудов. Элдред взял ожерелье и надел его на шею леди Аши. Притронулся к щеке жены тыльной стороной ладони.

– Ваша щедрость велика, милорд, – смягчившись, произнесла леди Аша. Младенец ухватил крохотным кулачком один из камней ожерелья и уставился на отца своими бездонными глазами.

– Теперь ступайте и отдохните, – негромко приказал Элдред, и на этот раз леди Аша безропотно подчинилась.

Она покинула зал с высоко поднятой головой, крепко прижимая к себе ребенка, а Бафен почувствовал пробежавший у него по спине холодок. Это было предчувствие чего-то такого, что не имело никакого отношения к звездам.

Больше Верховный король Элдред леди Ашу не навещал и саму ее к себе тоже не вызывал. Возможно, ему следовало бы, забыв свою неприязнь, заняться воспитанием сына, но, глядя на принца Кардана, Верховный король всякий раз чувствовал себя так, словно заглядывает в смутное, тревожное будущее, и потому избегал его.

Забытая Верховным королем, леди Аша тем не менее была очень востребована при дворе. Любительница всевозмож-

ных праздников и легкомысленных забав, она жаждала как можно скорее вернуться в веселую придворную жизнь. А поскольку посещать балы, будучи привязанной к грудному ребенку, невозможно, леди Аша подыскала принцу Кардану кормилицу, которой стала кошка, родившая мертвых котят.

Так продолжалось до тех пор, пока принц Кардан не начал ползать. Но затем кошка забеременела новым выводком, а окрепший принц начал таскать ее за хвост. Кошке это не понравилось, и она перебралась жить на конюшню, бросив принца точно так же, как сделала это его мать.

Так он и жил во дворце – никем не приласканный, никому не нужный. Рос без присмотра, воровал со столов еду, жадно поглощая ее под теми же столами, и никто не останавливал его – да и кто бы посмел? Сестры и братья лишь смеялись над ним и играли с принцем, словно со щенком.

Заброшенный всеми Кардан редко надевал на себя хоть какую-нибудь одежду, заменяя ее цветочными гирляндами, а в того, кто посмел приблизиться к нему, не раздумывая швырял камнями. Единственной, кто имел хоть какую-то власть над ним, была мать, однако она не только не пыталась образумить или сдержать Кардана, но, напротив, потакала ему.

– Ты принц, – твердо повторяла она, когда Кардан пытался избежать какого-нибудь конфликта или стеснялся потребовать что-либо. – Ты принц, и все вокруг твое. Тебе остается лишь взять то, что ты хочешь. – А иногда даже настаивала: –

Я хочу, чтобы ты сделал это для меня.

Принято считать, что дети фейри не похожи на смертных детей. Говорят, что им требуется гораздо меньше любви и заботы. Их не нужно укладывать спать, они и сами прекрасно могут заснуть, причем даже не в своей кроватке, а приткнувшись где-нибудь в холодном уголке бального зала, завернувшись в сдернутую со стола скатерть. Детей фейри не нужно кормить, они сами напьются росы, сами украдут с кухни хлеба и сливок. Их не нужно утешать и успокаивать, потому что дети фейри очень редко плачут.

Но хотя без любви дети фейри вполне обходятся, то вот без советчика принцам фейри никак не обойтись.

Такого наставника у Кардана не было, а его собственной мудрости не хватило, чтобы отказаться, когда старший брат предложил ему на спор сбить стрелой грецкий орех с головы смертного. Кардан был весьма вспыльчивым и безрассудным.

– Меткая стрельба всегда производит хорошее впечатление на нашего отца, – с дразнящей ухмылкой заметил принц Дайн. – Но, может быть, это задание слишком сложно для тебя? Тогда не берись. Лучше вообще не пытаться сделать что-либо, чем попробовать и потерпеть неудачу.

Кардану, который страстно хотел, но никогда не мог привлечь к себе внимание отца, предложение старшего брата показалось очень заманчивым. Он не стал утруждать себя вопросами о том, кто этот смертный и каким образом оказался

при дворе. Разумеется, он и не подозревал, что этот человек был дорог Вал Морену и что сенешаль сойдет с ума от горя, если тот умрет.

А это, в свою очередь, укрепит позиции принца Дайна, позволит ему стать правой рукой Верховного короля вместо Вал Морена.

– Слишком сложно? Лучше не пытаться? Так говорят только трусы! – с мальчишеской бравадой заявил Кардан. По правде сказать, он побаивался своего брата, но это делало его только еще более безрассудным.

– Ну что ж, – улыбнулся принц Дайн. – Тогда давай хотя бы стрелами поменяемся, что ли. В таком случае, если ты промахнешься, то всегда сможешь сказать, что это моя стрела в цель не попала.

Принцу Кардану с подозрением следовало бы отнестись к такой невероятной щедрости своего брата, но слишком мал был еще его жизненный опыт, чтобы избегать подобных ловушек.

Кардан отдал брату свою стрелу, вложил в тетиву хвостовик стрелы Дайна, натянул лук, прицелился в грецкий орех. И тут его охватило дурное предчувствие, он отчетливо понял, что, скорее всего, промахнется, а значит, может ранить человека или даже убить. И тут же новая мысль посетила принца. С мрачным ликованием он представил, как будет удивлен его отец, узнав о том, что Кардан совершил нечто действительно ужасное. Что ж, если он не может привлечь к

себе внимание Верховного короля чем-то хорошим, значит, нужно совершить что-нибудь по-настоящему плохое.

Рука Кардана дрогнула.

Смертный не моргая смотрел на него своими влажными глазами, в глубине которых застыл ужас. Само собой, этот человек был под действием чар. Эта мысль оказалась решающей.

Кардан через силу рассмеялся, ослабил лук и вытащил стрелу из тетивы.

– Нет, я не стану стрелять в таких условиях, – сказал он, чувствуя себя нелепо оттого, что пошел на попятную. – Ветер дует с севера и ворошит мне волосы. Они мешают мне прицеливаться.

Тогда принц Дайн поднял свой лук и выпустил взятую у Кардана стрелу. Она насквозь пробила горло смертному, который, не издав ни звука, повалился на спину и замер, уставившись в небо все еще открытыми, но ничего уже не видящими глазами.

Все произошло так стремительно, что Кардан не вскрикнул, даже не вздрогнул. Просто стоял и смотрел на своего брата, постепенно понимая, в какую ужасную ситуацию он угодил, поменявшись с ним стрелами.

– Мда, – с довольной улыбочкой произнес Дайн. – Незадача. Похоже, это твоя стрела не туда попала. Что ж, пожалуйся нашему отцу на ветер, который помешал тебе прицелиться.

Как потом ни протестовал принц Кардан, никто ему не поверил. Об этом позаботился Дайн, усердно распускавший слухи о невероятной жестокости юного принца, его высокомерии, о его убившей смертного стреле. Верховный король Кардана даже выслушать не пожелал, не удостоив аудиенции.

Несмотря на все требования Вал Морена по всей строгости наказать убийцу, Кардан за гибель смертного понес именно такое наказание, какое предусмотрено в подобных случаях для принцев. Верховный король приговорил Кардана к заключению в Башне забвения, которое вместо него должна была отбывать его мать. Пожалуй, сам Элдред был рад возможности вынести такой приговор, потому что устал к этому времени от леди Аши. Ну а заботу о принце Кардане взял на себя самый старший и самый жестокий из его братьев, Балекин. Кстати говоря, он оказался еще и единственным из них, кто вообще согласился взвалить на себя эту ношу.

Вот так была создана репутация принца Кардана, и ему не оставалось ничего иного, только как подтверждать ее.

Глава 1

Я, Джуд Дуарте, Верховная королева Эльфхейма, провожу большую часть времени по утрам перед телевизором. Клюю носом, наблюдая за конкурсами кулинаров, смотрю мультяшки и повторы дурацких шоу, участники которых должны первыми добраться до финиша, прорезая себе путь сквозь картонные коробки, разбивая бутылки и потроша рыб. Днем я учу своего брата Оука – если он позволяет, конечно. По ночам выполняю некоторые поручения местных фейри.

Свою голову я держу опущенной – вероятно, так мне следовало бы вести себя с самого начала. И хотя я проклинаю Кардана, но должна в первую очередь винить себя за то, что была идиоткой и добровольно оказалась в ловушке, которую он для меня приготовил.

В детстве я любила представлять свое возвращение в мир смертных. Вспоминала вместе с Тарин и Виви запахи свежескошенной травы и бензина, игры в пятнашки на соседских дворах и плескание в хлорированной воде летних бассейнов. Я мечтала о чае со льдом и растворимом апельсиновом соке. Тосковала по самым обыденным вещам вроде запаха горячего асфальта, по протянутым между уличными фонарями проводам, по музыке из рекламных роликов.

Но теперь, застряв навсегда в мире смертных, я с новой силой тоскую по Фейриленду. Тоскую по магии, мечтаю о

ней. Возможно, тоскую даже о том, чтобы вновь жить в страхе. Жалею о том, что никогда уже больше не вернутся мои прежние, беспокойные дни.

Я барабаню пальцами по крашеному деревянному столу для пикников. Стоит ранняя осень, в штате Мэн уже стало прохладно. Лучи предвечернего солнца играют в траве перед нашим жилым комплексом, а я наблюдаю за тем, как Оук играет вместе с другими детьми в узеньком перелеске между местом, где я сижу, и шоссе. Это дети из наших домов, некоторые чуть младше, другие чуть старше восьми лет – все они высадились из одного желтого школьного автобуса и сейчас играют в войну. Гоняются друг за другом, дерутся на палках, звонко смеются, когда у кого-нибудь из них в самый разгар боя она ломается. Невольно отмечаю, до чего неуклюже они обращаются с палками, – совершенно не умеют фехтовать.

Продолжаю наблюдать и внезапно замечаю, что Оук использует свои чары.

Я думаю, что делает он это неосознанно. Оук подкрадывается к другим ребятам, но впереди открытое пространство, в котором негде укрыться. Тем не менее Оук идет вперед, идет совершенно на виду, но при этом его никто не замечает.

Оук подбирается все ближе, но другие мальчишки по-прежнему даже не смотрят в его сторону. Наконец он набрасывается на них со своей палкой, и для них это становится сюрпризом.

На какое-то время Оук сделал себя невидимым. Я и сама

поняла это только тогда, когда это было уже сделано. Другие мальчишки вообще ничего не поняли и наверняка подумали, что Оук их обхитрил. Или что ему просто повезло. О том, что на самом деле сделал мой младший брат, знаю только я.

Дожидаюсь, пока вся ватага разойдется по своим домам. Мальчишки уходят один за другим, и вскоре Оук остается один. Мне самой магия не нужна, мне даже шуршащие листья под ногами не мешают подкрасться к нему. Одним стремительным движением я обхватываю Оука за шею и сжимаю ему горло – довольно сильно, чтобы он хорошенько испугался. Оук сопротивляется, ему почти удается ударить меня в подбородок своими рожками. Что ж, неплохо. Он старается разорвать мою хватку, однако делает это вполсилы. Значит, понял, что это я, а меня он не боится.

Я еще крепче сжимаю его. Еще немного, и Оук вырубится.

Он пытается что-то сказать и начинает задыхаться. Тут он забывает все мои прежние уроки и начинает извиваться, царапает мне руки, пинается. Я чувствую себя ужасно, потому что хотела лишь слегка напугать его – ровно настолько, чтобы он начал давать отпор. Но мне совершенно не нужно, чтобы Оук впадал в панику.

Я отпускаю его, и Оук отскакивает в сторону.

– За что? – задыхаясь, спрашивает он, укоризненно глядя на меня своими влажными от слез глазами.

– Чтобы напомнить тебе о том, что бой – это не игра, – говорю я, и мне кажется, будто я произношу эти слова не своим

голосом, а голосом Мадока. Я не хочу, чтобы Оук рос таким же, как я – обиженным и пугливым. Я хочу, чтобы он умел выживать, а тому, как это делается, научил меня Мадок.

Но как мне правильно выбрать, чему учить его, когда у меня за спиной только мое собственное изуродованное детство? Возможно, многие вещи я оцениваю совершенно неправильно.

– Что ты собираешься делать против соперника, который действительно захочет причинить тебе вред? – спрашиваю я.

– Не знаю, мне все равно, – отвечает Оук. – Меня эта ерунда не волнует. Я не хочу быть королем. Я совсем не хочу им быть.

Какое-то время я просто молча смотрю на него. Очень хочется поверить в то, что он лжет, но это, разумеется, не так. Оук – фейри, а фейри лгать не способны.

– Мы не всегда имеем возможность выбирать свою судьбу, – замечаю я.

– Ты можешь, потому что королева, – говорит он. – А я не хочу этого делать. Никогда.

Стискиваю зубы, чтобы не взвыть.

– Нет, не могу, потому что я королева в изгнании, – напоминаю ему.

– Я тоже! – Он бьет в землю своим копытцем. – В мире смертных я нахожусь только потому, что мой отец хочет завладеть этой дурацкой короной, и ты тоже этого хочешь, и каждый хочет. А я не хочу. Она проклята, эта корона.

– Любая власть проклята, – отвечаю я. – Самые плохие из нас сделают все, чтобы ее заполучить. А те, кто лучше остальных умеет обращаться с властью, не хотят, чтобы им навязывали ее силой. Но пойми, это не означает, что они смогут вечно избегать ответственности, которая лежит на них.

– Тебе не сделать меня Верховным королем, – говорит Оук, а затем поворачивается и бежит в сторону нашего дома.

Я же сажусь на холодную землю, сознавая, что полностью провалила этот разговор. Да, Мадок обучал Тарин и меня гораздо лучше, чем я обучаю Оука. Пытаюсь обучать. А еще понимаю, какой самонадеянной и глупой была, когда возомнила, что смогу держать под своим контролем Кардана.

В великой игре принцев и королев я оказалась пешкой, которую уже смахнули с доски.

* * *

Войдя в квартиру, Оук плотно прикрывает за собой дверь своей комнаты. Вивьен, моя старшая сестра-фейри, стоит возле кухонного стола и широко улыбается, глядя в свой телефон.

Заметив, что я пришла, она хватает меня за руки и начинает кружить, кружить до тех пор, пока у меня не начинают подкашиваться ноги.

– Хизер простила меня, – звенящим от радости голосом

сообщает она.

Хизер – это земная подруга Виви. Хизер мирилась с отговорками Виви, когда та пыталась скрыть свое прошлое. Согласилась даже на то, чтобы вместе с ними поселился Оук. Но когда Хизер узнала о том, что Виви не человек и что Виви использовала против нее чары, она бросила все и уехала. Мне крайне неприятно говорить об этом, потому что я хочу, чтобы моя сестра была счастлива. Дружба с Хизер действительно делала ее счастливой – и, по-моему, Виви вполне заслуживала такой хорошей подруги.

Я отстраняюсь, моргаю и растерянно спрашиваю:

– Что там?

– Она мне написала, – сообщает Виви, помахивая телефоном. – Она хочет приехать. И чтобы все между нами снова наладилось, как прежде.

Опавшие листья назад к веткам не прирастают, расколотые орехи не становятся целыми, а очарованные в прошлом подруги просто так не решают вернуть все на круги своя.

– Дай взглянуть, – говорю я, протягивая руку к телефону. Виви позволяет мне забрать его у нее.

Я пролистываю их переписку. Большинство сообщений – исходящие от Виви, они полны извинений, необдуманных обещаний и отчаянных просьб. В ответ от Хизер практически ничего, лишь изредка сухое: «Мне нужно еще время подумать».

А затем вдруг вот это.

«Я хочу забыть про фейри. Я хочу забыть о том, что ты и Оук – не люди. Я не хочу больше чувствовать себя так, как чувствую сейчас. Если я попрошу тебя помочь мне забыть обо всем, ты это сделаешь для меня?»

Я долго смотрю на текст, тяжело переводя дыхание.

Я понимаю, почему Виви восприняла это сообщение именно так, а не иначе. Но я думаю, что она неправильно его поняла. Если бы это сообщение писала я, то меньше всего мне бы хотелось, чтобы Виви согласилась на мое предложение. Мне было бы нужно другое. Мне было бы нужно, чтобы Виви заверила меня, что, хотя они с Оуком не люди, они по-прежнему меня любят. Я хотела бы услышать от нее, что попытка забыть про фейри ни к чему хорошему не приведет. Я хотела бы услышать от Виви, что она совершила ошибку и понимает это и никогда, несмотря ни на что, не повторит ее.

Если бы я отсылала это сообщение, то считала бы его тестом.

– Что ты собираешься ей ответить? – спрашиваю я, возвращая сестре телефон.

– Что сделаю все, чего она пожелает, – отвечает Виви. Рискованная клятва даже для смертного и совсем уж чудовищная для того, кто по своей природе не способен не выполнить данного обещания.

– Быть может, она сама не знает, чего ей хочется, – замечаю я. Я лукавлю. Но Виви моя сестра, а Хизер человек, и

при этом я кое-чем обязана им обеим.

Но в данный момент Виви не интересует ничего, кроме одного – сделать так, чтобы все опять стало хорошо. Она широко, радостно улыбается мне, берет из вазы яблоко и спрашивает, подбрасывая его в воздух и снова ловя в ладонь:

– А что с Оуком? Он влетел домой как бешеный и тут же захлопнул дверь в свою комнату. Если он сейчас так себя ведет, то что же с ним будет происходить позднее, в переходном возрасте?

– Он не хочет быть Верховным королем, – говорю я.

– Ах, в этом дело, – бросает Виви взгляд в сторону комнаты Оука. – А я уж подумала, не случилось ли что-нибудь серьезное.

Глава 2

Сегодня вечером я с удовольствием отправляюсь на работу.

В мире смертных у фейри совсем иные потребности и интересы, чем в Эльфхейме. Здесь, на окраинах Фейриленда, они живут уединенно, и их не заботят ни балы, ни пирушки, ни придворные интриги.

Но при этом, как выяснилось, у них имеется масса работы для таких, как я, смертных, знающих образ жизни фейри и не избегающих случайных стычек. Брайерна я встретила спустя неделю после того, как покинула Эльфхейм. Он появился неподалеку от нашего жилого комплекса – обросший черным мехом, с козлиной головой и копытами фейри, со шляпой-котелком на голове, и представился мне как старинный друг Таракана.

– Я понимаю уникальность вашего положения, – сказал он, глядя на меня своими странными золотистыми козлиными глазами с черной вертикальной черточкой зрачка. – Вы объявлены умершей, верно? Значит, у вас ни номера социальной страховки нет, ни возможности получить образование в мире смертных.

– А еще я ищу работу, – добавила я, прикидывая про себя, откуда он мог появиться. – Неофициальную, без оформления.

– В таком случае вы обратились как раз по адресу, – заверил он, приложив к своему сердцу когтистую ладонь. – Позвольте представиться. Брайерн. Пука, если вы еще не догадались.

Он не потребовал от меня ни клятв в верности, ни прочих формальностей. С тех пор я получила возможность работать столько, сколько захочу, и получать оплату, вполне соразмерную с моей смелостью.

Сегодня мы встречаемся с ним у воды, куда я отправляюсь на купленном мной подержанном велосипеде. По дороге очень скоро сдувается шина на заднем колесе – впрочем, чего еще можно ожидать от такой дешевки! С горем пополам приезжаю на место. Брайерн, как всегда, одет довольно нелепо – криво сидящая на его козлиной голове шляпа украшена яркими, аляповатыми утиными перьями и никак не сочетается с твидовым пиджаком. Когда я подъезжаю ближе, он вытаскивает из кармана часы, смотрит на них и преувеличенно хмурится.

– О, я опоздала? – спрашиваю я. – Прости. Вообще-то я привыкла определять время по наклону лунного луча.

– Не стоит подчеркивать, что ты когда-то жила при дворе, где измеряют время по лунному лучу. Сейчас ты никто.

«Но я Верховная королева Эльфхейма», – проносится у меня в голове, однако я прикусываю изнутри щеку, чтобы не произнести эту глупость вслух. Дело в том, что Брайерн прав: сейчас я никто.

– Что за работа? – спокойно спрашиваю я.

– Одна из народа в Старом порту ела местных. У меня есть контракт для того, кто выбьет из нее обещание больше не делать этого.

Мне сложно поверить в то, что Брайерну или кому-то еще из фейри настолько есть дело до съеденных фейри людей, что они готовы заплатить за то, чтобы я уладила это дело.

– Она ела местных смертных? – уточняю я.

– Нет, – трясет головой Брайерн. – Нет. Наших. Народ.

Тут он, очевидно, вспоминает о том, с кем он сейчас разговаривает, и конфузится. Я принимаю его смущение за комплимент.

Убивает и ест народ? То есть своих? Заранее понятно, что работа предстоит не из легких.

– Кто платит? – спрашиваю я.

– Тот, кто не хочет, чтобы его имя было как-то связано с этим делом, – с нервным смешком отвечает Брайерн. – Но они готовы щедро вознаградить тебя.

Одна из главных причин, по которым Брайерн любит нанимать на работу именно меня, заключается в том, что я могу спокойно приближаться к народу. Они никак не ожидают, что смертная может оказаться той, кто ограбит их или воткнет ножик в бок. И тем более они не ожидают, что эта смертная не поддается чарам и достаточно хорошо знает уловки фейри, чтобы раскусить обман при заключении сделки.

Вторая причина состоит в том, что мне очень нужны деньги, и потому я берусь за подобную работу, даже если она с самого начала вызывает у меня отвращение.

– Адрес? – спрашиваю я, и Брайерн протягивает мне сложенный листок бумаги. Открываю его, бросаю беглый взгляд на содержимое и говорю: – Это стоит хороших денег.

– Пятьсот американских долларов, – отвечает он с таким видом, будто это невесть какая огромная сумма. Астрономическая просто.

Арендная плата за нашу квартиру составляет тысячу двести долларов в месяц, не считая расходов на еду и коммунальные услуги. После того как от нас съехала Хизер, моя доля составляет около восьми сотен. А мне же еще новую шину для своего велосипеда покупать нужно. Нет, пятьсот долларов – это мало, тем более за такое щекотливое дельце.

– Тысяча пятьсот, – объявляю я, поднимая брови. – Наличными, проверенными железом. Половину вперед, а вторую половину, если я не вернусь, отдашь Вивьен как помощь моей семье, пережившей тяжелую утрату.

Брайерн поджимает губы, но я-то знаю, что деньги у него есть. Просто он не хочет мне платить слишком много – боится, что я стану разборчивой в отношении работы.

– Тысяча, – отвечает он и лезет во внутренний карман своего твидового пиджака, чтобы вытащить из него пачку банкнот, перехваченных серебряной скрепкой. – Вот, смотри, у меня как раз сейчас при себе половина. Можешь забрать.

– Хорошо, – соглашаюсь я. Тысяча баксов – вполне приемлемая плата за работу, которую можно выполнить за одну ночь. Если мне повезет, конечно.

– Дай знать, когда закончишь, – шмыгает носом Брайерн, протягивая мне деньги.

У меня на кольце для ключей висит железный брелок. Я демонстративно проверяю им каждую банкноту, чтобы убедиться в том, что деньги настоящие. Никогда не лишне напомнить Брайерну о том, что я начеку.

– Плюс еще пятьдесят долларов на текущие расходы, – поддавшись неожиданному порыву, добавляю я.

Брайерн хмурится, затем лезет в другой карман и вытаскивает оттуда дополнительные деньги.

– Сделай все как надо, – говорит он.

То, что он так легко соглашается на мои требования, – дурной знак. Вероятно, мне следовало бы задать больше вопросов, прежде чем браться за это дело. И дольше торговаться.

Но теперь уже поздно.

Я снова сажусь на велосипед, машу Брайерну на прощание и трогаюсь в сторону центра города. Когда-то я представляла себя рыцарем верхом на коне, одерживала в мечтах славные победы в состязаниях и битвах. Очень жаль, что мои таланты нашли теперь свое применение в делах, не имеющих ничего общего с рыцарской честью.

Готова согласиться в том, что я достаточно умелый кил-

лер, однако по-настоящему виртуозно я умею действовать на нервы и доставать до печенок. Хочу надеяться на то, что это поможет мне уговорить фейри-людоедку сделать все так, как я хочу.

Но прежде чем отправиться на встречу с ней, я решаю поспрашивать вокруг.

Первым мне попадается хоб по имени Сорока, который живет на дереве в Дубовом парке в Диринге. Он говорит, будто слышал, что она «красная шапка». Ну, для меня это не такая уж сногсшибательная новость. Я выросла в семье, где такой «красной шапкой» был мой отчим, так что я отлично знаю их натуру.

«Красные шапки» постоянно и страстно желают насилия, жестокости и крови. Жаждут убивать. Лишенные на достаточно долгое время возможности делать это, они начинают нервничать. Если такой монстр следует традициям, у него должна быть шапка, которую он регулярно смачивает кровью своих убитых врагов, – считается, что вместе с кровью шапка впитывает в себя часть жизненной силы убитого.

Я спрашиваю имя, но Сорока его не знает. Он посылает меня к Ладхару, клурикону, который отирается в дальних углах баров, слизывает – когда этого никто не видит – пену с пивных кружек и обманывает смертных в азартных играх.

– А ты не знаешь? – говорит Ладхар, понизив голос. – Грима Мог.

Я едва не заявляю, что он лжет, хотя понимаю, что лгать

Ладхар просто не может. Затем у меня в голове мелькает картинка – я трясу Брайерна, вышибаю из него дух за каждый заплаченный им проклятый доллар.

– Но какого черта она здесь делает?

Грима Мог – это ужасный генерал Двора Зубов, что на севере Фейриленда. Того самого двора, откуда бежали Таракан и Бомба. Когда я была маленькой, Мадок читал мне на ночь мемуары о боевых операциях Гримы Мог. При одной мысли о том, чтобы столкнуться с ней нос к носу, я покрываюсь холодным потом.

Победить Гриму я не смогу. И не думаю, что у меня есть хоть один шанс ее перехитрить.

– Я слышал, ее уволили и прогнали со Двора, – говорит Ладхар. – Возможно, она съела кого-то, кого любила леди Ноури.

«Я не обязана выполнять эту работу», – напоминаю я самой себе. Я больше не принадлежу Двору Теней Дайна. Я больше не пытаюсь оставаться теневой правительницей за троном Верховного короля Кардана. Мне не нужно идти на этот огромный, чудовищный риск.

Однако я любопытна.

И любопытство в сочетании с непомерной уязвленной гордыней приводят меня на заре к порогу склада, где обитает Грима Мог. Я знаю, что с пустыми руками в гости не ходят, поэтому несу с собой купленное в мясном магазине сырое мясо в пластиковом контейнере, несколько небрежно

сделанных и завернутых в фольгу сэндвичей с медом и бутылку приличного кислого пива.

Войдя внутрь, я какое-то время брожу по складскому залу, пока не нахожу дверь, которая, по всей видимости, должна вести в жилые комнаты. Стучу три раза, надеясь, что запах еды, быть может, перекроет запах моего страха.

Дверь открывается, и на пороге появляется женщина в домашнем халате.

– Что вам угодно, моя дорогая? – спрашивает она, тяжело опираясь на трость из полированного черного дерева.

Обладая способностью видеть сквозь наведенный гламур, я замечаю зеленоватый оттенок ее кожи и очень крупные и острые зубы. Такие же, как у моего приемного отца Мадока. Обладателя красного берета, который убил моих родителей. Того, кто читал мне на ночь о боевых операциях Гримы Мог. Мадок… Некогда он был Главным генералом Верховного двора. Теперь он враг престола и мой личный враг.

Надеюсь, они с Верховным королем Карданом сумеют покончить друг с другом.

– Я принесла вам подарок, – говорю я, протягивая кулер. – Можно мне войти? Я хочу заключить с вами сделку.

Она слегка хмурится.

– Вы сами понимаете, что не можете продолжать есть народ. Вот меня к вам и прислали, чтобы я попробовала убедить вас остановиться, – говорю я.

– Возможно, тогда я съем тебя, милое дитя, – с улыбкой

парирует она и отступает в сторону, пропуская меня в свое логово. Понимаю это так, что в прихожей она готовить из меня еду не собирается.

Квартира выдержана в стиле лофт, как и многие переделанные под жилье производственные помещения. Потолки высокие, стены кирпичные. Очень мило. Полы покрыты лаком, сверкают. Большие окна пропускают достаточно много света, и из них открывается очень неплохой вид на город. Мебель старая. Обивка кое-где порвана, видны следы, которые могли остаться от случайного пореза ножом.

Все это место пропахло кровью. Металлический медный запах с приторным, сладковатым привкусом. Тошнотворный запах. Я кладу свои подарки на тяжелую деревянную столешницу и говорю:

– Это вам. В надежде, что вы простите меня за то, что я вот так без приглашения явилась к вам.

Она нюхает мясо, вертит в руке сэндвич с медом, свинчивает крышечку с пивной бутылки. Делает большой, долгий глоток, после чего говорит, разглядывая меня:

– Кто-то проинструктировал тебя насчет всех тонкостей. Удивляюсь, зачем им понадобилось так беспокоиться, козочка ты моя. Тебя же явно прислали в жертву мне, в надежде, что я смогу утолить свой голод плотью смертного. – Она улыбается, демонстрируя свои зубы. Возможно, прибегает в этот момент к гламуру, но, поскольку я невосприимчива к чарам, точно сказать этого не могу.

Я моргаю, глядя на нее. Она моргает в ответ, явно ожидая моей реакции.

Но я не кричу и не бросаюсь к двери, и это начинает ее раздражать. Я точно знаю, что она с нетерпением ждала того момента, когда сможет броситься за мной вдогонку.

– Вы Грима Мог, – говорю я. – Полководец. Гроза врагов. Вы действительно вот так собираетесь доживать на пенсии?

– На пенсии? – переспрашивает она таким тоном, будто я только что нанесла ей величайшее оскорбление. Или пощечину дала. – Хотя меня и отправили в отставку, но я найду другую армию, которую смогу возглавить. И эта армия будет больше и мощнее предыдущей.

Иногда что-то подобное я говорю самой себе, но те же слова, произнесенные вслух кем-то другим, ужасно режут ухо. Однако наталкивают при этом на мысль.

– Ну, местному народу не хочется, конечно, чтобы вы его ели, пока обдумываете свои планы на будущее. Точно так же, как мне, смертной, не хочется, чтобы вы ели смертных. К тому же я сильно сомневаюсь, что они могут дать вам то, чего вы ищете.

Она молчит, ждет продолжения.

– Вызов, сопротивление, адреналин, – говорю я, вспоминая все, что мне известно о «красных шапках». – Вот чего вы ждете – хорошего боя, верно? Бьюсь об заклад, что народ, который вы убивали, не мог предложить ничего особенного в этом смысле. Это была пустая трата ваших талантов. Рутина.

– Кто тебя послал? – спрашивает она наконец. Заново оцениваю ситуацию. Пытаюсь уточнить линию своего поведения.

– Что вы сделали, чтобы настолько вывести ее из себя? – спрашиваю я. – Свою королеву? Нужно было очень постараться, чтобы вас с таким треском вышвырнули со Двора Зубов.

– Кто тебя послал? – ревет она.

Ага, я задела ее за живое. Что ж, это, пожалуй, мой лучший навык.

Стараюсь не улыбаться, но, оказывается, я сама очень стосковалась по тому приливу сил, который ощущаешь, начиная вести вот такие игры, замешанные на стратегии и хитрости. Стыдно признаться, но я соскучилась по возможности рискнуть своей шеей. Все мои мысли теперь только о том, как победить, а для сожалений и прочей романтической шелухи просто не остается места. Победить. Или как минимум не умереть.

– Я вам уже сказала. Местный народ не хочет, чтобы вы его ели.

– Но почему ты? – спрашивает она. – Почему они послали ко мне хлипкую девчонку, чтобы она попыталась в чем-то убедить меня?

Оглядываясь вокруг, я замечаю стоящую на холодильнике круглую коробку. Старомодную шляпную коробку. Она, как магнит, притягивает к себе мой взгляд.

– Возможно, потому, что им такую, как я, и потерять не жалко, – отвечаю я.

На это Грима Мог смеется и делает еще один глоток кислого пива.

– Фаталистка, значит. Ну и как ты собираешься меня уговаривать?

Я подхожу к столу, беру принесенную в подарок еду – мне нужен предлог, чтобы ближе подобраться к этой шляпной коробке.

– Прежде всего давайте уберем в холодильник продукты, чтобы не испортились.

– Полагаю, что такая старая леди, как я, может позволить себе использовать молодую девчонку для нескольких поручений по дому, – усмехается Грима Мог, усаживаясь в кресло. Ее развлекает то, что сейчас происходит. – Давай, только будь осторожна. В моем холодильнике ты можешь найти нечто гораздо большее, чем ожидала, козочка.

Я открываю дверцу холодильника. Меня приветствуют останки тех, кого она убила. Здесь хранятся руки и головы – обжаренные, сваренные, сложенные наподобие остатков после большого праздничного ужина. Мой желудок сжимается и хочет вывернуться наизнанку.

– Ты, кажется, собиралась бросить мне вызов? На дуэль вызвать? – По ее лицу расплывается кривая, злобная улыбка. – Хотела похвастать тем, как хорошо умеешь драться? Ну, видишь теперь, что ждет того, кто проигрывает поеди-

нок Гриме Мог?

Я делаю глубокий вдох. Подпрыгиваю и сбиваю шляпную коробку с верхней стенки холодильника.

– Не смей ее трогать! – кричит Грима, вскакивая на ноги, но я еще раньше успеваю содрать с коробки крышку.

Вот она, шапка. Блестит, как лакированная, от многочисленных, покрывающих ее слоев засохшей крови. Грима Мог уже на полпути ко мне, спешит, скаля свои зубы. Я выхватываю из своего кармана зажигалку, щелкаю кнопку большим пальцем, и загорается язычок пламени. Увидев его, Грима застывает на месте как вкопанная.

– Я знаю, что вы много лет пропитывали шапку кровью, – говорю я, надеясь на то, что моя рука не будет дрожать, а язычок пламени не погаснет. – Возможно, на ней сохранилась даже кровь самой первой вашей жертвы. И последней тоже. Не будет этой шапки – не останется и памяти о былых сражениях, победах, трофеях. Ничего не останется. А теперь вам придется заключить со мной сделку. Поклянитесь, что больше никого не убьете, ни людей, ни народа. Не убьете до тех пор, пока не покинете мир смертных. А если…

– А если я скажу «нет», ты сожжешь мое сокровище, – заканчивает за меня Грима Мог. – Нечестно.

– Вероятно, я должна была предложить вам дуэль, но поединок я, скорее всего, проиграла бы, – говорю я. – А так я выиграла.

– Ты ведь смертная дочь Мадока, не так ли? – спрашива-

ет Грима Мог, тыча в мою сторону концом своей трости. – А еще сенешаль нашего нового Верховного короля. И тебя тоже вышвырнули, как и меня.

Я киваю, смущенная тем, что меня узнали.

– Ну а ты что натворила? – с довольной ухмылкой интересуется она. – Наверняка что-то совсем не маленькое.

– Глупость сморозила, – вынуждена признать я. – Упустила синицу в руках ради журавля в небе.

Грима громко, раскатисто смеется, потом говорит:

– Ну что, разве мы с тобой не два сапога пара, дочь «красной шапки»? Но, видишь ли, убийство у меня в крови, я пропитана им до мозга костей. Нет, я не собираюсь отказываться убивать. Если уж мне суждено надолго застрять в мире смертных, то должна же я иметь хоть какое-то развлечение?

Я подношу язычок пламени ближе к шапке. Ее нижний край начинает темнеть, наполняя воздух ужасной вонью.

– Остановись! – кричит Грима, с нескрываемой ненавистью глядя на меня. – Хватит. Позволь теперь я сделаю тебе предложение, козочка. Мы с тобой проведем спарринг. Если проиграешь, моя шапка вернется ко мне в целости и сохранности, а я продолжу, как и прежде, свою охоту. А еще ты отдашь мне свой пальчик. Мизинчик.

– Чтобы съесть его? – интересуюсь я, отводя от шапки язычок пламени.

– Это уж как мне захочется, – парирует она. – Может, съем, может, носить буду, как брошь. Тебе-то какое дело до

этого? Мой палец, что хочу, то с ним и делаю.

– И почему я должна соглашаться на это? С какой стати?

– А потому, моя козочка, что если победишь, то получишь мое обещание больше не убивать. А кроме того, я расскажу тебе кое-что очень важное о твоем Верховном короле.

– Я ничего знать о нем не хочу, – отвечаю я. Слишком поспешно и слишком сердито. Никак не ожидала, что она впутает в это дело Кардана.

– Маленькая лгунья, – смеется она.

Затем мы долго молчим, пристально глядя друг на друга. Взгляд Гримы Мог кажется дружелюбным и довольным. Разумеется, она понимает, что я приму любые ее условия. И я тоже это знаю, хотя надеяться мне совершенно не на что. Она – легенда. Не вижу ни единого шанса победить ее на дуэли.

Но имя Кардана грохочет у меня в ушах. Интересно, у него уже появился новый сенешаль? А новая любовница? Собирается ли он сам присутствовать на заседаниях Совета? А обо мне он когда-нибудь хоть что-нибудь говорит? Или злорадно насмехается надо мной на пару с Локком? А Тарин смеется вместе с ними?

– Поединок до первой крови, – говорю я, выбрасывая из головы все посторонние мысли. Как приятно, когда есть на ком сосредоточить весь свой гнев. Очень помогает. – Теперь условия. Первое. Свой палец я вам не отдам. Если выиграете – получаете назад свою шапку, а я ухожу отсюда. Точка. Я и так делаю в принципе большую уступку, соглашаясь сра-

зиться с вами.

– До первой крови – это скучно, – хищно наклоняется вперед Грима Мог. – Давай лучше до первого крика. Закончим где-то между простым кровопролитием и мясорубкой, чтобы проигравшая не ушла на ногах, а уползла домой, чтобы сдохнуть по дороге. – Она радостно улыбается и облизывает губы. – Дай мне шанс переломать все косточки в твоем тщедушном тельце.

– На мою гордыню ставку делаете? – спрашиваю я, засовывая красную шапку в один карман, а зажигалку в другой.

– Но я же не ошиблась при этом? – не думает отрицать она.

Поединок до первой крови – это действительно скукота. Соперники долго-долго танцуют вокруг да около, выжидая, пока кто-нибудь из них на секунду раскроется. Да, я согласна, это ненастоящий бой, и быстро отвечаю:

– Да.

– Хорошо. – Она поднимает свою трость, указывает ее кончиком на потолок и говорит: – Пойдем на крышу.

– Ладно, пойдем, – соглашаюсь я. – Это очень благородно и романтично – драться на крыше.

– Жаль, ты не догадалась прихватить с собой оружие. Я-то ведь тебе ничего не дам, – тяжело вздыхает Грима Мог и направляется к двери шаркающей походкой старухи, какой она пытается выглядеть с помощью гламура.

Следом за ней из квартиры выхожу я, пересекаю полу-

темный зал склада, дальше поднимаюсь по совсем уже не освещенной лестнице. Нервы у меня напряжены. Надеюсь, я знаю, что делаю. Хочу на это надеяться. Грима Мог нетерпеливо спешит наверх, перескакивая сразу через две ступеньки, с грохотом распахивает обитую железом дверь, ведущую на крышу. Слышу змеиное шипение, с которым из трости Гримы выползает узкий стальной клинок. Грима Мог оборачивается ко мне и широко улыбается, показывая свои острые зубы.

Я выхватываю спрятанный у меня в сапоге длинный нож. Не бог весть что, но я не умею наводить чары, а потому не могу разъезжать на велосипеде с Закатом за спиной.

Выхожу на асфальтированную крышу здания. На востоке начинает вставать солнце, подкрашивает небо своими первыми лучами в розовые и золотистые тона. Дует холодный утренний ветерок, принося с собой запахи бетона и мусорных баков, к которым примешивается нотка золотарника из соседнего парка.

От нетерпения и страха мое сердце колотится все быстрее, и, когда Грима Мог поворачивается ко мне, я уже готова. Она делает выпад, я его парирую. Еще. И еще. И еще раз. Это начинает раздражать ее, и она рычит мне:

– Ты обещала бросить мне вызов, где же он?

Тем временем я уже начинаю понимать ее манеру ведения боя. Знаю, что Грима жаждет насилия, жаждет крови. Я знаю, что она привыкла к легким победам, и надеюсь, что это

делает ее излишне самоуверенной. Возможно, столкнувшись с тем, кто может дать отпор, она станет допускать ошибки.

Не обязательно, конечно, но может быть… Когда Грима начинает новую атаку на меня, я резко разворачиваюсь и сильно бью ее ногой в колено. От этого удара она валится на асфальт, рычит от ярости и боли, моментально вскакивает и молнией бросается на меня. На мгновение передо мной мелькают перекошенное лицо Гримы и ее жуткие зубы.

«Она настоящий монстр!» – кричит мой рассудок.

Я стискиваю зубы, борясь с желанием броситься наутек. Наши клинки снова взлетают в воздух, рыбьей чешуей серебрясь в первых лучах зарождающегося дня. Звук, с которым металл ударяет о металл, напоминает звон колокола. Мы продолжаем фехтовать, танцуя по всей крыше, мои ноги сами знают, что им нужно делать – шаг вперед, шаг назад, шаг в сторону… У меня на лбу и под мышками начинает выступать пот, в холодном воздухе мое жаркое дыхание повисает облачком.

До чего же хорошо сражаться с кем-то другим, а не с самой собой.

Грима Мог щурит глаза, наблюдает за мной, выискивает мои слабые стороны. Я отчетливо помню все наставления, которые давал мне Мадок, стараюсь не повторять ошибок, от которых пытался избавить меня Призрак. Грима начинает серию жестоких, смертельных ударов, пытаясь загнать меня на край крыши. Я отступаю, делаю все, чтобы оставать-

ся недосягаемой для ее более длинного, чем у меня, клинка. Раньше она держала себя в руках. Теперь она больше не сдерживается.

Грима снова и снова подталкивает меня к краю, за которым открывается пропасть. Я продолжаю драться с мрачной решимостью. Теперь вся я покрыта потом, его капельки стекают у меня между лопатками и скользят вниз вдоль спины.

Затем я спотыкаюсь ногой о торчащую из покрытой асфальтом крыши металлическую трубу. Теряю равновесие, а Грима бросается вперед. Ее удар я парирую, но это стоит мне ножа, который выскальзывает из руки и улетает, чтобы со звоном упасть на улицу.

Мне не следовало браться за это задание. Нельзя было соглашаться на этот поединок. Я ни за что, никогда не должна была соглашаться выйти за Кардана, и тогда меня не изгнали бы в мир смертных.

Гнев придает мне сил, и благодаря им я успеваю увернуться – клинок Гримы со свистом рассекает воздух в сантиметрах от меня. Затем я сильно толкаю локтем ее руку и хватаюсь за рукоять меча.

Это не слишком честно, согласна, но я давно уже забыла про благородство. Грима Мог очень сильна, но и удивлена тоже немало. На мгновение она замирает, а в следующую секунду сильно бьет меня лбом в лоб. В глазах у меня темнеет, но мне почти удалось завладеть оружием Гримы.

Почти.

– Ты жульничаешь, девочка, – говорит мне она. Мы обе тяжело дышим. Мои легкие словно налиты свинцом.

– Я не рыцарь, – отвечаю я и, словно в подтверждение своих слов, хватаю единственное оружие, которое сейчас попадается мне на глаза, – металлическую трубу. Она тяжелая, гладкая, не имеет мало-мальски острой кромки, но это все, что у меня есть. Во всяком случае, труба как минимум длиннее потерянного мной ножа.

– Тебе пора было сдаться, но ты этого не сделала. Я в восторге, – смеется Грима Мог.

– Я оптимистка, – говорю я, и она вновь на полной скорости бросается на меня, но моя труба удерживает ее на расстоянии.

Мы вновь танцуем, кружимся, она пытается наносить удары, я их парирую, размахивая трубой, как бейсбольной битой. У меня много желаний, но больше всего мне хочется сейчас убраться прочь с этой крыши.

Мои силы на исходе. Труба оказалась слишком тяжелой, и мне все сложнее маневрировать.

«Сдайся, – советует мне мой внутренний голос. – Плюнь на все. Давай же, поторопись, пока еще стоишь на ногах. Отдай Гриме ее проклятую шапку, забудь про деньги и ступай домой. Виви из листьев волшебных денег наделает, проживете. И успокойся, ты же не за королевство свое сражаешься. Его ты давно уже проиграла».

Грима Мог приближается ко мне с таким видом, слов-

но чувствует мое отчаяние. Она наносит несколько быстрых ударов, ища бреши в моей защите.

Капли пота стекают со лба, жалят мои глаза. Мадок описывал поединок по-разному – сравнивал с сыгранной на большой скорости стратегической игрой, с танцем, но нынешнюю дуэль я ощущаю, скорее всего, как спор, в котором необходимо как можно быстрее найти решающий, неожиданный для противника аргумент. Аргумент, который отвлечет Гриму настолько, что это на какое-то время развяжет мне руки.

И я, похоже, такой неожиданный ход нахожу.

Преодолевая боль в уставших мышцах, я перекладываю трубу в одну руку, а другой рукой вытаскиваю из кармана красную шапку.

– Что ты делаешь? Ты же обещала… – начинает Грима.

Я швыряю шапку ей в лицо. Она хватает ее, на мгновение переключает на нее свое внимание, и в этот момент я изо всех оставшихся сил наношу удар трубой.

Я попадаю Гриме в плечо, и она валится с ног, рыча от боли. Я вновь ударяю ее – на этот раз по вытянутой вверх руке, выбиваю меч Гримы, и он летит, кувыркаясь, куда-то далеко в сторону.

Я снова замахиваюсь трубой.

– Хватит, – хрипит лежащая на крыше Грима Мог, глядя на меня снизу вверх. На лице у нее написано неподдельное изумление. – Я сдаюсь.

– Это правда? – опускаю я занесенную трубу.

– Да, маленькая плутовка, да. Правда, – неохотно цедит она сквозь окровавленные зубы, с трудом пытаясь сесть. – Ты меня переиграла. А теперь помоги мне встать.

Я роняю трубу, приближаюсь, невольно ожидая, что сейчас Грима выхватит откуда-нибудь нож и всадит его мне в бок. Но она лишь протягивает мне руку, и я помогаю ей подняться на ноги. Грима надевает на голову свою отвратительную красную шапку, потирает ушибленную – может быть, даже сломанную трубой – руку.

– Двор Зубов отдал себя в руки старого Главного генерала – твоего отца – и шайки других изменников. Из достоверных источников мне известно, что твой Верховный король будет свергнут еще до следующего полнолуния. Как тебе это нравится?

– Так вот почему вы сбежали? – спрашиваю я. – Потому что вы не предательница?

– Я сбежала из-за другой маленькой козочки. На этом все. Я получила сегодня больше удовольствия, чем ожидала, но наша игра, я думаю, закончена.

У меня в ушах продолжают звенеть слова Гримы: «Твой Верховный король будет свергнут… Будет свергнут… До следующего полнолуния…»

– За вами остался должок, – севшим, хриплым, как воронье карканье, голосом напоминаю я. – Обещание.

К моему удивлению, Грима Мог дает мне обещание нико-

гда больше не охотиться на землях смертных.

– Приходи ко мне опять сразиться, – бросает она мне вслед, когда я направляюсь к лестнице. – У меня еще много тайн в запасе осталось, дочь Мадока. И, кроме того, мне думается, что ты и сама немного жаждешь насилия.

Глава 3

Мои мышцы почти сразу же сводит, и от одной только мысли о том, чтобы сесть сейчас на велосипед и крутить педали до дома, мне становится нехорошо. Нет уж, лучше сразу лечь в придорожную канаву и там умереть. Я дожидаюсь автобуса. Ловлю на себе неприязненные взгляды, пока пристегиваю велосипед к стойке, но затем пассажиры замечают, что у меня идет кровь, и сразу решают, что лучше всего просто не обращать на меня внимания.

Мне до сих пор кажется странным распорядок дня в мире людей. В Фейриленде возвращаться домой на заре – это все равно что смертному плестись домой за полночь. Но в мире людей яркий свет утра должен прогонять тени – так, во всяком случае, предполагается. Здесь утро – это время деятельных, активных людей, «ранних пташек», а не лежебок-бездельников. Какая-то пожилая женщина в ярко-розовой шляпке молча протягивает мне несколько влажных салфеток. Я с благодарностью принимаю их и пытаюсь хотя бы слегка привести себя в нормальный вид. Остальную часть пути смотрю в окно на голубое небо, морщусь от боли и жалею себя. Обшариваю свои карманы, нахожу в одном из них таблетки аспирина и проглатываю их, не запивая.

«Твой Верховный король будет свергнут еще до следующего полнолуния. Как тебе это нравится?»

Пытаюсь убедить себя, что мне нет до этого никакого дела. Что я буду только рада, если Эльфхейм окажется в конечном итоге побежден. У Кардана много приспешников, которые предупредят его о том, что́ приближается. Есть Двор Теней и половина его армии. Правители Нижних Дворов. Все, кто присягнул ему. Весь Живой Совет. И даже новый сенешаль, если, конечно, Кардан дал себе труд его назначить.

Мне не хочется думать о том, что кто-то другой стоит теперь на моем месте рядом с Карданом, но мозг упрямо перебирает все самые худшие варианты. Никасию Кардан выбрать не мог, потому что она уже посол Подводного мира. Локка он тоже не назначит, потому что уже сделал его Мастером Увеселений и потому еще, что Локк просто невыносим. И не леди Ашу, потому что… Потому что она ужасна. Кроме того, леди Аша любую работу считает утомительной для себя и все свое влияние употребит исключительно на то, что может принести выгоду лично ей. Нет, Кардан наверняка понимает, что нельзя ее выбирать. А может, и нет. Кардан бывает безрассудным. Возможно, он и его злая, беспечная мать станут посмешищем всего рода Зеленого вереска и Кровавой короны. Надеюсь, что станут. Надеюсь, что все они еще раскаются, и Кардан больше всех.

А затем придет Мадок и все приберет к своим рукам.

Прижимаюсь лбом к холодному стеклу и напоминаю себе, что это больше не мои проблемы. Вместо того чтобы пытаться – безуспешно – не думать о Кардане, я стараюсь не

думать вообще.

Я просыпаюсь от того, что кто-то трясет меня за плечо.

– Эй, малыш, – говорит водитель автобуса. Его озабоченное лицо прорезано резкими морщинами. – Малыш?

Было время, когда выхваченный мной нож оказался бы приставленным к горлу водителя раньше, чем он успел бы договорить. С трудом вспоминаю, что у меня просто нет моего ножа. Я забыла поискать его возле дома Гримы Мог и вернуть себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.